

Денис
РЯБЦЕВ

полная версия
в иллюстрациях автора

В СТОРОНУ СВЕТА

Денис Рябцев

**В сторону света. Полная
версия в иллюстрациях автора**

«Издательские решения»

Рябцев Д. Е.

В сторону света. Полная версия в иллюстрациях автора /
Д. Е. Рябцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743205-8

Расширенная версия сборника «В сторону света» содержит новеллы, рассказы и притчи, написанные автором за 14 лет юности. Здесь собраны совсем ранние произведения Дениса Рябцева, посвященные поиску своей дороги к Солнцу, рассказы об армии. И вещи, созданные молодым отцом — посвященные воспитанию детей, любви к музыке. Ряд произведений в книге посвящены участию в выборах и профессиональной деятельности писателя.

ISBN 978-5-44-743205-8

© Рябцев Д. Е.
© Издательские решения

Содержание

Не мешайте детству	6
Папины сказки	7
Педагогический сонет	11
Трактат о музыке	14
Зима побеждает	18
Всё...	21
Хулиганский мотив, или день возмездия настал	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

В сторону света

Полная версия в иллюстрациях автора

Денис Евгеньевич Рябцев

© Денис Евгеньевич Рябцев, 2022

ISBN 978-5-4474-3205-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не мешайте детству

Папины сказки

Вика стоит у окна, положив свои маленькие ладошки на теплую батарею.

– Папа, смотри какие большие снежинки. Здорово?

Отец обнимает дочь за плечи:

– Красиво. Завтра мы с тобой первыми протопчем тропинку. Встанем пораньше и пойдем в школу пешком. Хорошо?

«Тик-так». Ночник едва освещает циферблат маленьких настольных часов.

– Уже десять, Виктория. Пора смотреть добрые сны. – Отец откидывает одеяло детской кровати и укладывает ребенка в постель.

Снег за окном. «Тик-так». Силуэты комнатных цветов. Тюль с райскими птицами.

– Интересно, а не зацветет ли завтра наш эухарис?

Ребенок поднимает голову с подушки и долго смотрит на окно.

– Может быть, – отвечает отец, поправляя одеяло дочери, – спи, малышка, иначе не сможем встать первыми. Снег очень красиво сверкает по утрам.

– Пап, а за мной сегодня гналась собака, – ребенок явно рассчитывает на разговор, ибо в ее карих глазах нет ни капли сна, – большой и ужасный пес. Собака может съесть человека?

Дверь спальни открывается, впуская в комнату яркий свет и мамину голову в бигуди.

– Ребятки, спать пора.

– Мама похожа на ежика, только яблока на голове не хватает.

Пока отец машет рукой, чтобы супруга им не мешала, дочь радуется своей шутке.

– Понимаешь, дорогая, – глава семьи делает нарочито серьезный голос, – ребенок интересуется, не едят ли собаки людей. Я не могу оставить этот важный вопрос без ответа.

– И тебе требуется помощь?.. – женщина несколько раз ударяет себя кончиками пальцев по лбу.

– Лучшая помощь...

– Да, я знаю – не мешать папе. И все же, родной, ребенку пора спать. Завтра у нее шесть уроков и музыка.

– Ладно-ладно, – ответил отец, – Всего десять минут.

– И еще минуточка, – добавляет Виктория, но уже невесело. Ей хочется смотреть на снег, стоя у окна, поливать бесчисленное количество раз эухарис и говорить с папой.

Дверь спальни закрывается и слышно, как мама начинает застилать в соседней комнате постель. «Тик-так». Силуэты комнатных цветов на окне. Тюль с райскими птицами и слабый свет ночника.

– Я знаю, что собаки не едят людей, дочка. Собаки – очень преданные человеку существа. Более того, им иногда присущи такие высокие человеческие качества, о которых даже люди не всегда помнят. Например, – сострадание. Я расскажу тебе историю, которая случилась очень давно. Мне было столько же лет, сколько тебе сейчас. Твой дедушка, тогда еще молодой, не седой, старался воспитать во мне, ребенке, уважение и любовь к животным. Однажды мы пошли на прогулку и он взял с собой Трезора. Это была немецкая овчарка, очень большая и страшная. Жил Трезор у соседа и всегда зло скалил зубы, когда видел меня поблизости. Он очень не любил детей за их баловство, да и мы частенько забрасывали его будку снежками и камнями.

– Ты так делал, папа? – Виктория посмотрела на отца с недоверием.

– Детству свойственна жестокость. Если бы наш эухарис мог говорить, то сказал бы, сколько листиков ты оторвала у него, пока была маленькой. Ты дергала папу за усы, рвала книжки и ломала игрушки. Это нормально. Главное, теперь ты этого не делаешь, ты – хорошая девочка с добрым сердцем.

Вика улыбнулась и задумалась.

Отец рассматривал свою дочь. Как он любил эту маленькую крошку, ее густые волосы, большие глубокие глаза, это детское родное личико. Вот оно – главное дело жизни. Дело, которое делает нас, родителей, вечными. Вечными, потому что через десятки лет энный праправнук будет отвечать на подобный же детский вопрос. У правнука будут такие же, как у нашего героя усы, его же голос, такие же толстые и торчащие вены на руках. Дите, убаюкиваемое его историей, увидит Викины сны, ибо сны наши, подобно чертам лица, передаются из поколения в поколение.

– Что было дальше, папа?

– Мы пошли гулять, – мужчина трет нос, пытаясь вспомнить детали, – Твой дед вел Трезора на коротком поводке, чтобы тот не бросился на меня. Я шел с другой стороны и видел злые собачьи глаза, которые пытаются улучшить момент для броска в мою сторону. Я видел вздыбленную шерсть, голодную слюну на его громадных клыках. Я спросил отца, может ли собака полюбить меня. Он ответил, что главное не показывать животному свой страх. Мы дошли до магазина, а я так и не мог сообразить, как можно не бояться такое чудище. Отец привязал Трезора к металлической трубе и ушел покупать продукты. Было очень холодно, может поэтому я, будто взбесившись, прыгал вокруг собаки и показывал ей язык. Мне было весело, я знал, что собака крепко привязана, и не представляет для меня никакой опасности. Трезор не лаял, а просто смотрел в мою сторону с упреком. Но тогда я не понимал этого. Вышло так, что твой, Вика, папа, неожиданно поскользнулся и упал, на трубу. Прямо высунутым языком на холодный металл... Язык в один миг примерз, намертво приклеился к железяке. Я стоял беспомощный в полуметре от Трезора, пытаюсь все же вырваться. Сам себя поймал в ловушку... Пес встал и оскалился. Было что-то злорадное в его глазах. Шаг, еще шаг. Я заревел во весь голос. Сейчас Трезор будет меня есть.

Виктория зажмурилась, на ее глазах выступили слезы. Она вжалась в подушку и задрожала всем телом.

«Вот осел, – промелькнуло в голове отца, – Рассказываю всякие гадости ребенку на ночь»...

– Вика, ты что? – горе-рассказчик постарался вложить в этот вопрос как можно больше веселых ноток, – Все закончилось хорошо. Трезор встал на задние лапы и лизнул меня в лицо. Понимаешь? Ему стало жалко трясущегося от страха ребенка, он по-человечески сопереживал, по-собачьи искренне успокаивал меня. Я чувствовал его шершавый язык, теплое дыхание.

Виктория заметно повеселела и даже убрала одеяло от лица.

– А как же язык, папа

– Пришел твой дед, увидел все это безобразие и побежал в соседний дом за горячей водой. Забавно было видеть, как через некоторое время он появился из подъезда с дымящимся на морозе чайником в руках. С трудом, но язык мы отклеили. А с Трезором с тех пор мы стали большими друзьями и часто гуляли вдвоем.

«Тик-так». На часах одиннадцать. Силуэты комнатных цветов на окне. Из-за туч выглянула Луна. В комнате стало светлее.

– Пап, теперь я хочу сказку про добрую собаку.

– Спи, малышка, спи. Папа пойдет пока придумывать ее. Сказку про добрых собак и добрых людей...

Виктория спит по-детски безмятежно, раскинув в разные стороны свои милые белые ручонки. Отец долго смотрит на Луну, плывущую среди облаков.

Дочери снится Трезор – смелый лохматый немец, бросивший вызов всему злу, существующему в ее детском, сказочном мире.

«Как мы часто говорим неправду своим детям, – думает отец, – Ради чего? Ради того, чтобы ребенок рос в сказке? Как же тяжело им, нашим детям, будет потом столкнуться со взрослой реальностью»...

Мужчина тяжело вздыхает и взгляд его падает на шрамы. Левая рука будто надрезана белыми полосками – напоминанием о Трезоровых крепких клыках...

2000-е.

Педагогический сонет

Строка первая (вступительная)

Этого не должно было быть лет пять назад в поселке Тоцкое, где я коротал время перед стрельбами на полигоне. Молодая мамаша колотила по щекам свое трехлетнее чадо, подбирая ненормативно-звонкие словеса. Ребенок не плакал, но в его глазах уже лежала эта фатальная российская грусть. Нам обоим было одинаково больно – мне, и этому совершенно незнакомому малышу.

Чуть позже, сжимая рычаг горящего танка, я все думал о его жизни, и, поверьте, почти плакал.

Строка вторая (основополагающая)

Наверное, мы сделали вид, что забыли о главном – НЕТ НИЧЕГО ВАЖНЕЕ ЛЮБВИ!

Гнусный Макаренко, изучив десятки томов литературы по психологии и педагогике, нашел лишь один верный способ завоевать авторитет у воспитанников... и это была не любовь. Он ли зажег тот факел, ведущий в пропасть, мне не известно. Но идем мы его дорогой. Ломаем и самоутверждаемся.

Строка третья (рационализаторская)

Вот если бы изобрести некий «любометр». Прикладываем его соискателю к сердцу: «Ага! Любви-то в вас, любезнейший, маловато. Нельзя вам пока потомством обзаводиться».

Строка четвертая (скептическая)

Теперь мы прячем свою непригодность за технологии и методики. «Да у меня сто первый разряд по педагогике. Я пил кофе с Пиаже и Гальпериным, когда они спорили».

Строка пятая (обратноизоцренная)

Другая родительская паранойя – жертвенность. «Сю-сю! Вот, дитяtko, лучший кусочек. Скушай. Папочка так старался специально для тебя». Святой родитель счастлив. Дите растет добротнo-эгоистичное и основательно загубленное.

Строка шестая (методологическая)

Самое лучше воспитание – отсутствие воспитания. Не трогайте, все равно не умеете. Просто любите и оберегайте. Они ведь совершенно другие. Как бы мы не силились мыслить по-детски – не получится.

– Сынок, ты давно это сломал?

– Да, пап, давно-о-о...

– Когда? В прошлом году?

– Нет, утром.

Другая, детская категория времени. Другой образ восприятия и мышления. «И только Самосвал знал, где Снегурка закапана, но он никому не сказал». Эта фраза, недавно брошенная сыном, еще раз подтвердила мое безграничное уважение к детству.

Строка седьмая (поделочная)

Детское сознание совершеннее и богаче нашего. Есть ли смысл его ограничивать? Сначала мы заклеиваем дверцы шкафов скотчем, а потом удивляемся – а почему наш ребенок никак не привыкнет помогать родителям по дому?

Пусть ломают вещи – вещи не стоят ровным счетом ничего. Это ведь хорошо, что они ломают – есть возможность достать с балкона рубанок и молоток.

Мы как-то сделали с детьми книжный шкаф почти до потолка. Пилили ДСП по очереди, сверлили дырки и закручивали шурупы. Это занятие одинаково захватило и сына, и дочек. С тех пор дети по-особенному уважительно относятся к дрели и шкафу, впрочем, как и ко многим другим предметам обихода.

Здесь мы вплотную подошли к идеям Б. Скиннера о положительных и отрицательных подкреплениях. Если сформулировать просто – создайте условия для позитивной деятельности своего чада. Ведь нам просто некогда выпиливать с ними шкафы, поэтому малыши крушат уже существующие.

У нас дома все стены заклеены детскими рисунками. И вот на исходе первая пятилетка творчества – пора делать ремонт и выделять под рисунки не все стены, а только одну. Эта стена обязательно должна быть!

Строка восьмая (книжная)

Мы читаем детям на ночь. Чаще этим занимается мама, пока я пытаюсь посадить горящий самолет и успеть до закрытия молочного магазина.

Читаем сказки по две-три главы. Малыши с удовольствием ждут продолжения. Перед тем, как начать чтение, вспоминаем, на чем остановились в прошлый раз. С удовольствием слушали «Волшебные приключения Нильса», «Мальчик-Звезда», «Приключения Буратино», «Три толстяка», «Озма из страны Оз».

Иногда дети долго не засыпают, устраивая баталии. Мы стараемся не очень в этом их ограничивать. Хотя рычаги корректировки их поведения мы сохраняем: баба Яга (иногда баба Йогурт), совы, которые «не спят, капризных стерегут ребят», Туча Гора, Туша-Кутуша, крошка Вили-Винки «ходит и глядит», Тутти-Грути и другие герои воображаемого населения квартиры. Персонажи существуют не для устрашения. Они не любят беспорядка, могут быть строгими и взыскательными.

Строка девятая (прогулочная)

Я не люблю улицу и не понимаю прогулок с утра и до обеда. Улица – потенциальный источник опасности. Понимаю, что в этом вопросе со мной можно поспорить. Если есть возможность – уезжаем подальше. Бывали на морях, реках, в лесах и полях. Ловили рыбу пятиметровой телескопичкой. Разводили костры и пекли картошку.

Сын первый раз в жизни воспользовался самолетом в трехмесячном возрасте. Но я не считаю, что такого рода достижения необходимы каждой семье. Да и море – скорее бесполезное излишество. Тем более, в столь малом возрасте. Южный климат требует серьезной адаптации.

В нашем варианте ежегодные вылазки на море продиктованы желанием видаться с бабушкой и дедом. Замечательно, что дети набираются впечатлений, это благо. Бегают счастливые под виноградными арками и играют в футбол грецкими орехами. А в Оренбурге скучают по морю и ждут лета с нетерпением, скучают, скорее, по летней воле.

Строка десятая (равноправная)

Хочется сохранить с детьми общение на равных. Иногда приходится делать над собой усилие. Две недели я почти ежедневно предлагал сыну подстричься. Тщетно – он решительно игнорировал мои предложения. Но не посажен еще тот огород, который бы мы не обошли. Начал ровнять челки дочкам. Сыну тут же затея стрижки показалась увлекательной. Половину прически вытерпел сносно, вторую – кое-как. Усидчивость – не мужской конек.

Мы стараемся детям давать возможность решать вопросы самим. Вот В. Леви даже пропорцию некую вывел: «...примерно в 1/3 случаев уступайте своему маленькому упрямцу...» Чем-то напоминает рецепт из поваренной книги. Но иногда приходится ребенка ставить перед фактом: «Есть такое слово – «НАДО».

Строка одиннадцатая (детсадовская)

В одной из телепередач прозвучала мысль, что «детский сад – это место, где дети могут побыть в безопасности, большего требовать от сада не нужно». Я бы не исповедовал такого одностороннего подхода. Здесь дети приобретают значительно больше навыков и умений, чем можно предположить. В садике работают талантливые специалисты: педагоги, логопеды, муз. работники. Я благодарен их творческому потенциалу, несоизмеримому бюджетному окладу.

Значимо то, что сад дает возможность посмотреть на своего ребенка со стороны. Мы ведь все эгоистично любим в детях себя. Сад в какой-то мере воспитывает и родителей, позволяет посмотреть на малыша объективнее.

Да, хочется, чтобы именно наши дети учили главные роли к утренникам. Хочется, чтобы они не конфликтовали с окружающим миром. Чем раньше придет этот навык, тем лучше. Сад – наш союзник. И во всех оценках мы отталкиваемся именно от этого умозаключения.

Строка двенадцатая (медицинская)

Лучший «друг» ребенка – доктор. Он всегда знает, каким сильнодействующим антибиотиком расшатать малышу иммунитет.

Поначалу мы даже (Господи, прости!) следовали их чуткому руководству.

Хотели бы просто не болеть. Но закаливание – дело не одного дня. Маршируем в холодных ванночках, стараемся выдерживать витаминные рационы и укрепляем иммунитет...

Строка тринадцатая (чесночная)

Чеснок – не наше ноу-хау. В каждой группе на информационных стендах висят листочки с рекомендациями «Профилактика гриппа». Черным по белому советуется использовать чесночные бусы и оксолиновую мазь. Мы взяли на вооружение эту простую идею, но в одной из групп столкнулись с неожиданным противодействием. Да, запах чеснока не очень-то приятен, но он реально помогает не цеплять всякой заразы. Давайте водрузим, друзья, чеснок на наши знамена!

Строка четырнадцатая (возвышенная)

Скоро растает эта надоевшая жижa под ногами и рябины у сада выпустят свежую зелень. Это нечто закономерное, но неожиданно приятное. Как ДЕТСТВО.

Все происходит так, как должно. Именно так.

Через час наши малыши проснутся и наступит утро. Мы шумно соберемся и пойдем в наш садик навстречу новому дню.

Все будет хорошо.

2005 год.

Трактат о музыке

Прежде чем войти в контекст повествования, автор считает необходимым определить ряд постулатов, которые он воспринимает как данность:

Постулат №1. Автор считает детство самой мудрой ипостасью человека, когда еще не разорвана связь с космосом – золотое время личности, самое творческое и интересное. Руководствуясь этим умозаключением, автор старается не испортить, не навредить, не уничтожить.

Постулат №2. Автор считает справедливой теорию превосходства ген над воспитанием. Автор видит сны своих предков, а дети автора смотрят сны автора. В этом глубокая теория вечности – от праотцов к потомкам. Именно поэтому автор считает основной задачей воспитания – наглядную демонстрацию многообразия мира и объяснения общепринятых правил игры, полную несостоятельность приобретения качеств, которые не дала природа.

Постулат №3. Автор подозревает, что есть какие-то различия между музыкой, живописью и словом, но не умеет видеть этих различий. Именно поэтому автор не состоятелен в определении, где кончилось слово, а началась музыка. Автор считает, что нет особого смысла в проведении четкой грани между этими понятиями. Все это – умение чувствовать, воспринимать и видеть.

Постулат №4. Автор подвергает сомнению практику и теории массовой музыкализации детей и приобщения их к музыкальному эстетизму. Автор считает, что в тонкой сфере искусства возможен только сугубо индивидуальный подход к каждому ребенку. Нет ничего преступного в «мальчиках-зайчиках», выстроенных в ряд на детском утреннике, которые открывают рты под Шаинского. Но к музыке это торжество тщеславия – детского и взрослого – не имеет никакого отношения.

Постулат №5. Автор считает, что к одной и той же цели нет одинаковых путей. Поэтому всю технологическую теорию по воспитанию автор подвергает сомнению. Теоретики «от» и «для» образования – «ловцы снов», которые веками пытаются описывать волос, если брать образ Милорада Павича. Есть главная составляющая воспитания – любовь. А все остальное – вторично и индивидуально.

Постулат №6. Автор считает уголовным преступлением всякую модернизацию образования в России, ибо подобные ротации ничего общего не имеют с модернизацией образования. Это глобальная трата государевых денег под благовидным предлогом. Модернизация образования в России возможна только через прямую поддержку креативного мастера у рабочего «Петроффа», минуя жирную прослойку местечкового аппарата.

* * *

О, музыка! Что может описать ее воздействие на наши души? Как охарактеризовать ту вибрацию, которая возникает под ребрами при первых звуках чего-то стоящего? Где эта категория стоящего? В наличии этой самой вибрации под ребрами?

Почему мой ребенок еще до рождения успокаивается под звуки «Времен года» Вивальди? Почему родившись, представляя мир еще в перевернутой форме, прекрасно внимает звукам корявой, но искренней папиной колыбельной. Может как раз благодаря этим напевам, на невербальном уровне мы вели тот глубокий диалог, который сложно облачить в слова.

Музыка. Что это – механическое воздействие звуковых колебаний на желудочки сердца, или что-то большее? И почему одно и то же заставляет вибрировать и меня, и этого иностранца по правую руку. Он даже перестал улыбаться своим отбеленным ртом, полным жвачки.

На сцене своя жизнь, такая «другая», далекая, не настоящая. И язык родной для Верди. А вроде, как и понятно все. Без глупого надстрочника над сценой.

Я трепетал, глядя на работу греческого дирижера. А позже, в подсобной, пока помреж варила какао в замызганной кастрюле для вечерней «Кофейной кантаты» Теодор Курентзис, звезда, одаренный юноша-грек, рассказывал мне о своей доброте. Его, в попытке произвести впечатление на малознакомого правдоруба, несло на сентиментальные темы про билеты, которые он бесплатно оставляет в кассе для студентов музыкальных вузов Москвы. Я мало имею терпения, даже перед угрозой обострения отношений с Грецией, и пресекаю его ломанный русский:

– Теодор, ты только что убил на моих глазах все доброе в своем поступке.

Вот почему я, любя музыку, часто презираю музыкантов. Или ценя веру, не ценю ее учителей. Без огульного обобщения, но в подавляющем большинстве.

* * *

Я не стараюсь преподнести глубинные азы ни в одном из искусств своим малышам, или поставить им профессионально голоса. Мне не нужно специально ориентировать их на творческие профессии. Хотя, если они предпочтут таковые, не встану «на пути у высоких чувств». Я лишь пытаюсь привить им слух, вкус, научить отделять зерна от плевел. Я, как умею, помогаю понимать, помогаю чувствовать, даю возможность трогать и экспериментировать.

* * *

Нижний Тагил не был добр ко мне с первой ночи знакомства, когда нас, полупьяных высыпали на плац перед зияющими дырами полукруглых окон казарм. Скоро, через день-два, кончилось все, чем можно было дымить. Восемьдесят голодных духов жадно втягивали ноздрями дым сигареты сержанта:

– Кто играет на гитаре? – старослужащий был мелким на рост, но крупным бычьей. Он только что снял с кого-то новые сапоги. Свою рухлядь приспособил взамен. Мы смотрели на него, как овцы на мясника. И тут меня кто-то сдал: «Он играет».

– Что играешь? – поинтересовался сержант.

Я перечислил.

– Научишь? – он хлопнул меня по плечу.

Ему никак не удавалось поймать ритм этого пресловутого боя правой руки. Я показал ему все медленно, быстро, фрагментами и целиком. Он злился, я трепетал. Он пробовал еще. Гитара звенела убитой медью и треснутой декой. Я злился.

«Ты что, тупой?» Все на квинтах, раз, два, три. Еще, пробуй. Грани стерлись – дух, старый – какая разница. «Ладно, – наконец спохватился сержант, – Завтра продолжим. Я без тебя прорепетирую. Возьми сигарет. Спасибо».

Так у меня в неведомом Тагиле появился сильный покровитель, почти бог, который всегда благодарит десятком папирос. Мы их курили по очереди, как травку, человек по шестьдесят. И в тот момент мой навык игры на инструменте был самым важным, который можно было иметь для благополучия.

* * *

Хочу ли я снабдить детей всеми возможными апгрейдами для жизнестойкости? Теперь, когда я увидел эту мысль на листе, склоняюсь к позитивному ответу. Но специального прицела нет – сынок, дочка, учитеесь, пригодится. Нет. Моя позиция шире утилитарного и пошлого «полезно».

* * *

– Папа, можно я запишусь на музыку? – голос дочери, преломленный через соты, отягощенный шумом школьной рекреации.

– Да, конечно. Запишись.

Для ребенка существенно важно решить этот вопрос именно сейчас. По телефону.

– Слышишь, дочка, запишись!

Четверо грузчиков тянут старую «Пензу» на седьмой этаж. Уже почти ночь. Соседи ликуют – первый клавишный инструмент в подъезде. Это так интригует.

Дети не могут дождаться, пока мы вытрем пыль. Бряцают в шесть рук. Мне тоже хочется понажимать, но места просто нет. Так и стоял с тряпкой в руках. Ждал.

* * *

Я не пытаюсь разрешать детям все. Запрещаю, к примеру, бить по клавишам, проходя мимо инструмента.

– Сынок, ты должен уважать то, что делают твои пальцы! Подкати к пианино стул, сядь, локотки в стороны. И играй. В противном случае – закрой крышку.

Дети свободно распоряжаются папиными гитарами – пробуют бренчать и на шести, и на двенадцати струнах. Иногда я кого-то из них усаживал на колено, и мы били по струнам двумя правыми руками. Получалось интересно. Тем более, что вещный опыт, опыт прикосновения – важная составляющая глобального опыта.

Теперь мы восстановили нашу старую балалайку. Мастер заклеил треснувшую деку, мы расписали инструмент заново – нарисовали Бременских музыкантов, Фунтика, героев мультфильма «Контакт» с этой божественной мелодией, которая очень нравится моим детям. Покрыли балалайку лаком. Теперь у малышей есть инструмент, который легко держать взрослому. Пусть играя, учатся зажимать струны левой рукой – как мама с папой.

* * *

У наших детей есть свое пространство – комната, большой стол для рисования с тремя обособленными рабочими местами, свои ящики в этом столе, свои стулья на колесах, свои детские компакт-диски для прослушивания в машине, свои кассеты и диски с мультиками. Мы с мамой втискиваемся в оставшееся пространство с большой скромностью и тактом.

Я всегда стараюсь узнать мнение детей – ставить ли детский диск в машине, или можно послушать папину взрослую музыку. Радио. Единственное условие – дети должны договориться между собой. Бывает, что мы поем хором, когда надоедает слушать.

По утрам мы спешим в школу в центре города, и гимн в исполнении Носкова на одной из радиостанций стал для нас некой точкой измерения времени. Вчера нас гимн застал у «Инвертора», сегодня у больницы Пирогова, а позавчера в восемь утра мы только вели младших в сад и едва успели в школу. Ребенок может сориентироваться во времени. Сопоставить время и расстояние, вчера и сегодня. Неожиданно дочь попросила поставить гимн России после школы. Я намотал на ус просьбу и записал ей целый диск с гимнами. Носков, Долина, Лещенко, хор мальчиков-девочек... Не предполагал, что получится так уместно. Слова одни и те же, мелодия одна – а гимны разные. Звучат по-разному. Поговорили с детьми на эту тему.

Позже ребенок заинтересовался разными направлениями музыки. Что такое «попса» и «рок»? Почему папа не воспринимает «попсу»? Мы стали вслушиваться в слова. Вместе. Мне удалось обозначить тему глагольных рифм – качественной и некачественной рифмы, тему образов, сравнений и аллегорий. Через музыку мы вышли на азы стихосложения, причем по инициативе ребенка.

Я не хочу вырастить неформалов с грязными волосами и цепями, не желаю видеть одуванчиков – правильных и пригожих. Но рассказать о многом, о большем – мой долг.

* * *

Дети любят устраивать концерты для родителей. По-серьезному долго репетируют. Это нечто на стыке театра, концерта и балагана – очень забавно. Главное – не забывать хлопать в ладоши и поощрять.

Мы пытаемся бывать на концертах. Слышать живой звук. Не знаю, отложится ли это у моих детей, как у меня – я всю жизнь помню концерт Рихтера, дрезденского квартета, питерских скрипок. Думаю, что понять или полюбить классику, слушая ее на магнитофоне – бесполезно. Я могу включить любимого Рахманинова, но это не принесет никакого эффекта. Надо ощущать атмосферу зала, слышать дыхание музыкантов и стук их сердец.

Проверено и другое – жалкая попытка Диснея облачить классическую музыку в современную огранку. Ни диск «Фантазия», ни «Создай мою музыку» в нашей семье не пошли. Детям не интересно смотреть на рисованные кривлянья Мауса под музыку Баха.

А вот, не ожидал, балет «Щелкунчик» на новогодние праздники с антрепризой Деда Мороза – «от» и «до», на одном дыхании. Младшая дочь сидела на моих коленях, чтобы видеть сцену, и я чувствовал, как она содрогается в кульминационных моментах.

* * *

Не знаю, что будет завтра. Какие новые моменты и нюансы откроются. Родители растут вместе с детьми. Что придет еще в наши головы – неизвестно. Но одно ясно точно – мы будем слушать музыку...

Зима побеждает

Глядя за окно я подумал, что, скорее всего, весны в этом году не случится. Так и будет выюжить белая пыль, вонзая свой микроскопический абразив в наши покрасневшие щеки. Так и будем мы гонять по подъезду из рук в руки подзарядные устройства, которые есть на балансе лишь некоторых мужичков в нашей десятиэтажке, чтобы поочередно восстанавливать свои замерзшие автомобильные аккумуляторы. А сантехник с восьмого этажа по имени Андрей и кличке Бабай окажется прав в части тезиса: «Вот так-то, блин, я же говорил, что все будет холодно!»

Вьюжит, вьюжит Моро Дедоз, наметая почти африканские барханы вокруг маленьких машинок у подъезда. И крестным знаменем осеняет нас почти трезвый вахтер автостоянки, видя, как пробираемся вдоль его забора с лыжами в посадку. По обыкновению нашу импровизированную лыжню постоянно портят люди без лыж, прокладывая тропинки в укатанном фарватере. А нынче – нет, только шальная псина прошла по лыжне, время от времени меняя курс с левой борозды на правую. Останавливаюсь, жду, когда старшая дочь подъедет ближе и показываю:

– Смотри, собака шла по нашей лыжне. Какая-то с небольшим клиренсом. Видно, где пузом снега касалась.

– Такса, поди, – выдает дочь, – Будь аккуратнее, папа, вдруг она лыжниками питается.

* * *

Однажды, в пьянящей молодости, я нес по Туркестанской двенадцатиструнную гитару к другу, чтобы спеть давно знакомый репертуар за рок-н-ролл. Это было приблизительно в тот год, когда на этой же улице работник милиции задержал приверженца красного ретро из Законодательного органа кисломолочной фамилией. За это силовик был публично наказан, а патриот продолжил парение на статусной федеральной корке, пока не случился коллапс с квартирами в столице и его сердце на этой почве не перестало стучать. Но речь не об этом. Речь о заветах молодым:

– Дети мои, послушайте главную заповедь отца вашего! Никогда не забывайте перчатки дома, когда несете к другу зимой гитару без чехла!

* * *

Я всю жизнь замерзал, с самых ранних лет, когда мир для меня был высок, а я любовался им с высоты своих советских санок. Вот отец везет меня в ненавистный детский сад, обездвиженного, заплаканного, закутанного в мамин пуховых платок, из под мотни которого торчат только два обезумевших карих глаза. Пахнет чем-то сладким, значит сейчас услышу скрежет полозьев по асфальту – будем пересекать улицу Выставочную. В те годы на месте современной энергетической высотки на Аксакова стоял облупленный забор из-за которого вечно текли умопомрачительные карамельные запахи. Позже, с пацанами околотка, мы твердо верили, что именно там делали всю газированную воду города. Но речь о зиме и холоде. Надо быстрее зажмуриться, потому что через мгновение поземка вопьется в то немного, что осталось неспрятанным под бережные укрывала.

* * *

Зима всегда караулила и догоняла, проверяя частоту вибрации задубевшего туловища. Я до полусмерти замерзал в армии, где околосвердловские болота под барханами сугробов взращивали полуживых комаров. Насекомые залетали в казармы и досаждали духам, которые с тапками долгими зимними вечерами собирали тушки для отчета перед достойными старо-

служащими войнами. И по утрам, по команде, переполненной неказистым сарказмом: «Форма одежды – шинель в трусы! Быстрее, гоблины!», наш сержант по имени Андрей и кличке Большой, щедро награждавший пенделями своих сорок пятых кирзачей пролетавших мимо салаг, застраивал взвод с голыми торсами на плацу. Сейчас мы полетим очередную «трешку», а Большой в тулупе будет бежать в арьергарде и бляхой своего ремня мотивировать отстающих. Одна надежда была на земляка Андрея по кличке Борщ, который изобретал иногда способы, при которых марш-броски отменяли. Так он однажды обескуражил Большого припадком с носовым кровотечением. Правда, чуть позже выяснилось, что молодой расковырял себе нос гвоздем.

* * *

Я замерзал за забором пэвэошной части, куда забрался ребенком в детстве. Прячась от постоянно снующих офицеров, я постигал тонкую грань между любознательностью и любопытством, ощущая, как задубели в промокших варежках пальцы рук. Будто в садовском возрасте, когда напарник по группе толкнул меня головой на угол стола и мне зашивали сечку на лбу. Вечером к нам в гости пришла бабушка с гостинцами и все меня жалели, потчуют конфетами и деликатесами. А потом, совершенно случайно, кто-то из взрослых прищемил мне пальцы дверью. И пальцы ревели от боли, словно в них вонзили иглы, как теперь, здесь, за забором воинской части. Позже, проходя мимо этого забора, я видел приспущенные флаги по Черненко, Андропову и считал, что этот траур по тем бесконечным часам моего небоевого дежурства в сугробе у плаца.

* * *

Может быть поэтому, в недостижимом стремлении согреться, я так лелеял свою бедовую «классику», с таким трудом выстраданную к тридцати годам. Но не тут-то было. Вот, упираясь телом в бампер, путаясь в полах пальто, в очередной раз толкаю четырехколесного непролазного коня на встречу к Солнцу. И на коленях стоячи, ковыряю под защитой картера сугроб. И пою гимны в унисон капающему в салон тосолу. Хлоп! Аккумулятор сел. Дергаю ручку и ощущаю, как выскакивает из-под приборных пространств лопнувший трос-капот. Не машина – клумба баклажанная с цветом «мурена»! Цепляем через время мое ведро на трос, шеф на внедорожнике тянет меня по дороге. Запотевшие стекла, в висках стучит, впереди бампер стоимостью всего моего тарантаса. Ситуация бодрит. Втыкаю вторую, слышу, что завелся. А спидометр ползет вверх. Вот уже третья, четвертая. Сигналю, моргаю, кричу в открытое окно. Шеф останавливается и, будто не собиравшись издеваться: «А я забыл, что ты у меня сзади болтаешься». И пока я тер окоченевшие пальцы, мимо проезжали сотрудники ДПС, которые таскали меня на поводке вчера и сосед Андрей с шестого этажа по прозвищу Электрик, у которого мощный старый немец выручил меня позавчера.

* * *

Обновляем с дочерью лыжню, стараясь угадывать направление под рефренами переметов. На гребнях не спешу, несколько раз подпрыгиваю на лыжах, чтобы плотнее умять наст. Круг, второй, третий. Вдруг понимаю, что не слышу сзади ребенка. Оборачиваюсь. Дочь остановилась метрах в пятидесяти и что-то чертит лыжной палкой на снегу. Жду. Догоняет.

– Что написала-то? – спрашиваю.

– Вика, папа, зима, – отвечает.

– Актуально, – киваю, – Ну, что, домой, греться?

– Если ты замерз... – бодрится ребенок.

Возвращаемся. И видим, что на нашем пути трактор навалил сугроб размером с избушку. И вариант справа – лезть с лыжами через ограду, слева – через непролазный карагач. Вот

тебе на! Хоть замерзай у подножия – нет пути. Долго пробираемся по кустам, рискуя порвать костюмы и куртки. Ура! Проехали. Хвала самодеятельному массовому спорту в окрестностях спальных районов!

* * *

Зима побеждает. Кажется, что это теперь навсегда.

Всё...

Все, что происходило, только укрепляло его пессимизм. Говорят, пессимизм – самая мудрая позиция. Возможно. Но эта позиция не самая легкая.

Все происходило так, как он и предполагал – все происходило плохо.

Ах, если пессимизм можно было бы продавать. Он переплюнул бы нефть и газ. Запас пессимизма бесконечен.

* * *

Они постучали в дверь за восемь часов до Нового года. Они были за дверью повсюду – их было двое. Одна работала на половом фронте, другая контролировала чистоту этого фронта. Та, которая уборщица, начала первой:

– Вы в очередной раз затопили кабинет директора нашего института.

– Очень жаль, приношу свои извинения, – сказал он, собираясь закрыть дверь, ибо вопрос казался исчерпанным.

– Нет, позвольте, что значит «жаль»? – Вмешалась вторая женщина, – Пойдемте, посмотрите, что вы натворили!

Он предпочитал не спорить с людьми – это занимало слишком много времени.

Напялив башмаки, вышел из квартиры и был доставлен на первый этаж.

На первом этаже сидел директор института:

– Вы в очередной раз затопили мой кабинет, – сказал директор института, указывая на мокрое пятно.

– Очень жаль, – повторил виновник потопа, разглядывая живописный угол комнаты. – Эти милые женщины мне уже об этом сказали. Приношу свои искренние извинения. Самые от сердца просьбы о прощении.

– Надеюсь, вы понимаете, что я могу доставить вам много неприятностей.

– Я очень не люблю угроз, – ответил виновник нарочито спокойно.

– Мы можем подать заявление в суд, – директор института оскалился.

– Сударь, это ваше конституционное право...

– Гм... А где, если не секрет вы работаете? – поспешил поинтересоваться директор, очевидно привыкший разговаривать с теми, кто о Конституции понятия не имел.

– Я жизнеописатель, – ответил жизнеописатель.

– Очевидно, утопист, – съязвил директор института, поглядывая на затопленный угол кабинета.

– Возможно. Готовьте в таком случае ковчег – ответил вяло виновник потопа. Он не любил спорить. Это требовало сил.

– Жизнеописатель, – продолжал смаковать смешное слово директор, усматривая в нем что-то недостойное.

– Да. Жизнеописатель, – совсем сник жизнеописатель, – Как я устал от председателей колхоза, вышедших из вахтеров. От острых умов и дурных манер. От этих кабинетов, которые были общественными туалетами. От самомнения надутых рыл.

Во взгляде директора института появилось изумление.

– Это вы про кого? – спросил он.

– Это я про жизнь, – ответил жизнеописатель, – Пойду я? Ага? Семь с половиной часов до Нового года.

Виновник потопа резко поменял грудь со спиной и зашагал прочь. Черт возьми! «Вы затопили наш институт». Тьфу! Теперь кушайте меня заживо, пейте кровь, гады! Может принести им ведро побелки? Так, чтобы хватило на следующий раз.

Степень раздражения жизнеописателя росла. В памяти всплывали козлости последних дней:

- Можно я возьму чайник до утра?
- Нет, мы наш чайник никому не даем.
- Это что, принцип?
- Конечно!
- А я думал, что принцип, это когда не убивают ближних.

Трогательная история сменялась другой, не менее раздражающей. Жизнеописатель поднялся на второй этаж совершенно красным. Ему хотелось кого-нибудь напинать по лицу, что-то сломать или стереть в порошок.

На втором этаже взгляд жизнеописателя уперся в батарею, в излучинах которой наш герой хранил свою пепельницу – пустую кофейную банку. С банкой случилась страшная – банки не было.

- А! – заорал жизнеописатель, – третья пепельница за неделю! Это вы все виноваты!

Он показал кулак в сторону первого этажа, где располагался институт.

Еще несколько шагов в сторону своей двери добавили новую боль. У порога стоял мусорный пакет, аккуратно и своевременно выставленный женой для удаления.

Жизнеописатель схватил мешок:

– Что, гад? Хочешь, чтобы тебя вынесли, да? – он стал бить мусорный пакет по лицу, – Морда у тебя не треснет? А, ты, типа, надежный? Я еще и не таких ломал.

Пакет лопнул. Картофельные очистки и прочая ерунда упала кучей к ногам.

– Жена, дай новый пакет, быстро! – выкрикнул жизнеописатель, открыв дверь своей квартиры. – Да, веник и совок еще.

Около десяти минут ушло на сбор объедков и витиеватые выражения, необходимые в таком деле.

Проходит еще несколько минут. Пытаясь не переломать ноги на обледеневшей тропке, жизнеописатель все-таки бьет лед своим мягким местом. Сидя на дорожке и потирая уши, виновник потопа продолжает некнижно выражаться.

Мусорные баки затарились перед новым годом не хуже обитателей жилищ. Пакет жизнеописателя, несколько раз падая вверх кучи, упорно скатывается вниз.

- Да, черт с тобой, валяйся где хочешь! – кипит виновник потопа, уходя прочь.

Семь часов до Нового года.

«Уважаемые жильцы! В связи с общей задолженностью по квартплате, администрация уведомляет...»

Почему эта бумажка, приклеенная к двери подъезда, попалась нашему герою на глаза именно сегодня – не известно. Известно, что больше она никому на глаза не попадалась, ибо была жизнеописателем цинично уничтожена. Содрана, порвана и затоптана.

* * *

Придя домой жизне-описатель ждал очередных неприятностей, но был разочарован. Навстречу ему выбежал сын:

– Папа пришел, – радостно заявил ребенок с интонацией, которая присуща детям трех лет.

– Сынок, – смог выдавить из себя умиленно виновник потопа.

Ребенок забрался на руки жизнеописателя и обнял папу. Затем отстранился, нащупал православный крестик под бородой отца:

– Папа, а у тебя «целковъ» на шее?

– Церковь? – переспросил отец, едва сдерживая слезы.

* * *

Новый год был спасен...

2003 год.

Хулиганский мотив, или день возмездия настал

Пьеса

Действующие лица

Автор пьесы: Жюль Огюст Рене (Бородатый сухой старец в мешковине с капюшоном и длинной кривой клюкой в руке).

Отец: Николай Иванович Лежон (Благополучный чиновник в безупречном костюме).

Мать: Софья Семеновна Лежон (Супруга Николая Ивановича – мудрая тигрица, прекрасная роза перед увяданием. Носит кимоно с нарисованными фламинго и розовый веер)

Дочь: Леля Лежон (Роль исполняется сорокалитровой бутылкой с узким горлышком с нарисованным девчоночьим лицом. К горловине привязан детский бант).

Хулиган: Славик Морсо (Роль исполняется алюминиевым бидоном из-под молока с нарисованным мальчишечьим лицом).

Соседка: Клавдия Морсо (Мать Славика – глупая дородная баба с громким голосом. Носит рваный халат, который ей мал и большие калоши на босу ногу. Под халатом кожаные шорты с цепями на бедрах и кожаный лиф).

Демоны из сна: Трое юношей и две молодые особы, появляющиеся по ходу пьесы в разных ипостасях и костюмах.

Декорация.

Разделена не пропорционально на две зоны: ветхую – зону Клавдии Морсо (дальше от зрителя и меньше по пространству) и благополучную – семейства Лежон (светлую с манерным интерьером. Между этими зонами символическая арка, диагонально развернутая к залу).

Акт первый. Действие 1. Вступление

Автор пьесы (*появляясь небыстрой походкой – от правой кулисы – к левой, вышагивая по авансцене*): – Я написал эту историю сотни лет назад, когда как увидел ее значительно раньше. Я написал эту историю одной левой рукой самым красным французским вином (достаю левую руку из-под полы своего балахона. Рука выкрашена в яркий красный цвет) и много лет ждал, что она станет неактуальной. Я – Жюль Огюст Рене, жил и любил, храня рукопись под тОгой. Соленые воды хлестали меня по челу, трамонтана вырывал волосы из макушки. Но ничего не изменилось среди людей, и теперь я решил поведать эту историю вам. (*Добирается до левой кулисы и уходит со сцены*).

Громкая французская музыка. На авансцену врываются демоны сна, одетые в детские шорты и панамки, с совками и игрушками в руках. У одного из них большая рогатка, вместо игрушек. Демоны исполняют танец, демонстрируя друг-другу свои игрушки, но не принимают в игру пятого демона, вооруженного рогаткой. Последний, деланно обижаясь, целится своим оружием в группу. Резкий хлопок, свет гаснет.

Сцена 1. В зоне Лежонов

Мать Софья Семеновна Лежон (*приклеивая крестом пластырь на бок бутылки с нарисованным лицом*): Леленька. Да как же это так? Ведь почти весь глаз опух.

Отец Николай Иванович Лежон (*Берет на руки бутылку, как младенца*): Бедная моя Леленька, не плачь! Папа поймает этого сорванца. Папа накажет. Не плачь, Леля. Этот сорванец свое получит! Не знаю, что я с ним сделаю. Я. Я...

Мать Софья Семеновна Лежон: Вот это все твоё воспитанье, Николая! Ребенок совершенно не умеет постоять за себя!

Отец Николай Иванович Лежон: Дорогая, при чем тут мое воспитанье?

Мать Софья Семеновна Лежон: Надо было мне настоять, чтобы Лелечку в детский садик водить. К обществу, в коллектив.

Отец Николай Иванович Лежон: В детский сад? К свинке и кори, дорогая? К инфекции? К грязным стаканам и хлорке? К полуграмотным кухаркам с дурным прононсом?

Мать Софья Семеновна Лежон: К ровесникам, к друзьям. К началу взрослой жизни. К первому этапу! К социализации. Между прочим, вся страна так растет – по садам, школам.

Отец Николай Иванович Лежон: И по тюрьмам. Социализация. Тоже мне. Словеса-то какие странные – социализация, адаптация. Я вообще их не понимаю. Честно. Не понимаю. Что такое хороший человек – понимаю. Набожность – понимаю. Интеллект – понимаю. Понимаем, Леленька набожность с интеллектом? Да. Мы с дочкой понимаем. А социальную «приспособленность» – не понимаем. Это приживаемость что-ли, бесцветность? Нет? Не так?

Мать Софья Семеновна Лежон: Не впадай в демагогию, Николая, прошу тебя.

Отец Николай Иванович Лежон: Это реалии жизни, дорогая, а не демагогия.

Мать Софья Семеновна Лежон: Да. Мы будем на балконе собственной квартиры кубики складывать. Полная изоляция. Это нас от всего сбережет. А еще лучше нам на остров. На необитаемый.

Отец Николай Иванович Лежон: Почему «на остров». У нас замечательная квартира. *(Внимательно изучает пластырь на боку бутылки)*. Вот ведь гематома какая неприятная. Еще сантиметр, и в глаз. Страшно представить даже. Больно, Леля? Папа накажет хулигана. Потерпи, маленькая, потерпи. Папа такое ему строгое замечание сделает. Ты просто не представляешь, доченька.

Мать Софья Семеновна Лежон: Хм-м

Отец Николай Иванович Лежон: Книги, кино. Мало ли в жизни интересного. Зачастую это лучший способ остаться в живых. Леленька, давай, дочка, почитай. *(Ставит бутылку на стул к столу и кладет перед ней книгу)*. Я пойду поищу этого хулигана. Такие вещи не стоит откладывать. Как его зовут? Славик, сынуля кухарки?.. Соседки нашей? Славик, ох! Славик, Славик, Славик.

Мать Софья Семеновна Лежон: Только держи себя в руках, Николая! Постарайся не наломать дров, интеллигентно. Поговори, пригрози.

Отец Николай Иванович Лежон делает несколько больших шагов к краю сцены, но теряет уверенность. Поворачивается к супруге.

Мать Софья Семеновна Лежон: Лелечка! Но кто же так близко держит книгу к глазам. Давай я тебе сама почитаю. *(Садится к столу и берет в руки книгу)*

Отец Николай Иванович Лежон (Хочет что-то еще сказать жене, но видит, что семья занята чтением. Он тяжело вздыхает и уходит со сцены)

Мать Софья Семеновна Лежон: А. Это моя любимая французская книга о маленьком мальчике. Об очень наивном, хорошем мальчике. Он жил на своей собственной планете и любовался закатом.

Гаснет общий свет. Остается лишь направленный луч на матери с дочкой, читающих книгу. Одновременно начинается громкая французская музыка. На авансцену врываются демоны сна. Одеты демоны в темные одежды свободного покроя. У одного из них большая красная роза в руке и синяя короткая накидка. Демоны исполняют танец – четверо пытаются вырвать цветок из рук пятого.

Автор пьесы *(появляясь небыстрой походкой – от левой кулисы – к правой, вышагивает по авансцене, разгоняя демонов клюкой. Перекрикивая слегка притихшую музыку):* – Что ж вы, демоны, распоясались? Вот клюка моя, да по спинам вам! Я – Жюль Огюст Рене, велю вам

сгинуть. *(Ловит красной рукой демона с розой, другие же успевают скрыться)*. Ага, сорванец, Автору себя уподобляешь? Судьбе перечишь, чертенок? Пойдем со мной, я буду долго мучить нас с тобой обоих. Тебя – за дерзость, а себя – за слабость, что я тебя создал. Мы будем нюхать хлор, и заразимся свинкой. Мученье закаляет дух – так станем совершенней! *(скрываются за правой кулисой, а мать Софья Семеновна Лежон продолжает читать бутылке книгу)*

Без паузы сцена 2. У арки

Из-за левой кулисы появляется Николай Иванович Лежон. Он тянет за собой волоком бидон за ручку к арке.

Отец Николай Иванович Лежон: Кто Леле в глаз выстрелил, не ты? Кто мою дочь чуть не сделал инвалидом? Здесь живешь? Мама твоя дома? Не вырывайся, не пушу! *(Стучит в створ арки не отпуская ручку бидона из рук)*. Любезная, это сосед ваш – Николай Лежон! Будьте добры, откройте дверь.

Соседка Клавдия Морсо: *(появляется из глубины сцены и подходит к арке с другой стороны. По ходу движения она нащептывает что-то ворчливо)* Кто там еще?

Отец Николай Иванович Лежон: Сосед ваш, любезная. Николай Лежон.

Соседка Клавдия Морсо: *(просовывая голову в арку)*. Какой сосед?

Отец Николай Иванович Лежон: *(неуверенно и робко)* Лежон.

Соседка Клавдия Морсо: *(зло)* Лежон-жужон. *(видит соседа и своего ребенка)* А! Что такое? Зачем ты держишь моего Славку за ухо?

Отец Николай Иванович Лежон: Понимаете, уважаемая, ваш сын обидел мою дочь. Он ей чуть не выбил глаз из рогатки. С этим надо что-то...

Соседка Клавдия Морсо: *(Орет истошно)* Пусти! *(выскакивает к Лежону, хватая бидон в объятья)* Я тебе дам, обидел. Славик, что он с тобой сделал?

Отец Николай Иванович Лежон: Послушайте...

Соседка Клавдия Морсо: А ну-ка рот закрой. Славик! Он бил тебя?

Отец Николай Иванович Лежон: Простите...

Соседка Клавдия Морсо: **Замолчи!** *(с гримасой)* «Простите».

Отец Николай Иванович Лежон: Но Славик...

Соседка Клавдия Морсо: Сказала: замолчи! Ты что же думаешь, зараза, раз костюмчик нацепил, так и управы на тебя не сподобим? Славочка, он бил тебя?

Отец Николай Иванович Лежон: Я просто...

Соседка Клавдия Морсо: Да тут синяк. Ай! Замолчи! Ну, Грех, держись! Теперь я тебе устрою «простите». Теперь попляшешь...

Отец Николай Иванович Лежон: Да выслуш...

Соседка Клавдия Морсо: Закрой свой рот! Ты все уже сказал. Зверюга. Ты знаешь что теперь? Теперь держись! Я тебе жизнь поломаю. Уничтожу! Славик. Он бил тебя?

Отец Николай Иванович Лежон: Черт знает что...

Соседка Клавдия Морсо: Узнаешь. И черта узнаешь, Зло, все узнаешь! Морсо так этого не оставит, Морсо тебя уничтожит. И рад будешь деться куда-нибудь, да не выйдет! Славочка, идем домой, мой мальчик! Мама сейчас тебя пожалеет *(уходит с бидоном за кулису)*.

Отец Николай Иванович Лежон: Вот и поговорили *(совсем тихо)*. Бывает же – тяжелый случай. *(Делает несколько шагов в зону Лежон)*. Соня, не поверишь. Я извальялся в дерьме!

Мать Софья Семеновна Лежон: *(кладет книгу на стол)* Вот это новость, дорогой... Зачем?

Отец Николай Иванович Лежон: Мать этого Славика еще похлеще сына. Тупая, наглая... баба.

Мать Софья Семеновна Лежон: Ты что, Николя?... «Кель мовефон». Что за жаргон? Ты не простыл ли на своей работе?

Отец Николай Иванович Лежон: Она не стала даже слушать. Орала и грозила мне. Господи, прости! Не стала слушать, чуть не ударила меня кулачищем. Вот баба наглая!

Мать Софья Семеновна Лежон: Леля не спит. Придержи свой грубый лексикон. Я и не знала, что ты так умеешь говорить.

Отец Николай Иванович Лежон: Я плохой? Послушай. Мне только что ведро помоев надели на голову. Донышком вверх. Как я должен тебе об этом рассказать?

Мать Софья Семеновна Лежон: Без скверных слов, очевидно. Как сам-то полагаешь?

Отец Николай Иванович Лежон: Леля, пора спать, доченька. *(укрывает бутылку покрывалом)*. Пусть тебе приснятся хорошие и добрые сны. Спокойной ночи.

Мать Софья Семеновна Лежон: Да, зачем я отправила тебя разбираться? Ума теперь не приложу...

Отец Николай Иванович Лежон: Вот всегда ты так. Сначала, Николя, выручай. А потом – я же и виноват. Так нельзя, дорогая. Послушай. Эта соседка просто не в себе. Она не дала даже слово вставить. Сразу начала кричать.

Мать Софья Семеновна Лежон: Успокойся! Мало ли какого сборода вокруг. Выброси все это из головы. Сегодня просто был тяжелый день, дорогой.

Отец Николай Иванович Лежон: Да. Просто тяжелый день. Прости. *(устраивается фривольно в интерьере)*

Из-за кулисы громкий голос Соседки Клавдии Морсо: Лежон-жужон. Ау-у! Вот я доберусь до тебя!

Отец Николай Иванович Лежон: *(вскакивая с места)* Нет. Как это успокойся? Что теперь? Софья, как жить теперь?

Мать Софья Семеновна Лежон: Ну, дорогой, если каждая соседка будет так тебя нервировать и выбивать из колеи... Побереги сердце.

Отец Николай Иванович Лежон: Сердце!

Мать Софья Семеновна Лежон: Не хочешь вина?

Отец Николай Иванович Лежон: Вина. Ах, вина? Что за вина...

Мать Софья Семеновна Лежон: Хватит! Милый, не катай больше одну и ту же мысль по голове. Переключись. Договорились?

Отец Николай Иванович Лежон: Пойду пройдуся перед сном. Не могу сидеть вот так просто...

Мать Софья Семеновна Лежон: Пойти с тобой?

Отец Николай Иванович Лежон: Смеешься? Я просто хочу побыть один.

Мать Софья Семеновна Лежон: Хорошо, дорогой. На мне не вымещай, прошу тебя...

Отец Николай Иванович Лежон: Прости *(уверенно идет к арке, одновременно к ней с другой стороны подходит и соседка Клавдия Морсо. Мать Софья Семеновна берет бутылку на руки и баюкая ее, уходит со сцены)*

Соседка Клавдия Морсо *(подвыпившим прононсом)*: А! Лежон! Идешь? Ты знаешь, что мой сын за-тем-пературил? Ты знаешь, надутый круасан, что ты натворил?

Отец Николай Иванович Лежон: Оставьте! Что за глупость? Ничего я не творил. Ваш сын...

Соседка Клавдия Морсо: Мой сын избит тобой! Зверюга. Хуже зверя!

Отец Николай Иванович Лежон: Оставьте! *(разворачивается обратно в зону Лежон, соседка же машет ему вслед кулаком, уходит, шепча проклятья)* Софья! Я не могу так больше. Софья! Она опять там, у двери. Будто ждала меня. Софья!

Мать Софья Семеновна Лежон: *(выходит на сцену без бутылки)* Тише, я только уложила Лелю. Не шуми. Что там опять стряслось?

Отец Николай Иванович Лежон: Стряслось. Да что могло стрястись? Конечно. Я встретил эту бабу. Она меня ждала. Еще ведро помоев...

Мать Софья Семеновна Лежон: Ах, дорогой!

Отец Николай Иванович Лежон: Что делать? Куда деться?

Мать Софья Семеновна Лежон: Не мечись! Эмоциями ничего не добьешься.

Отец Николай Иванович Лежон: Ты понимаешь, я – начальник, уважаемый человек. Я!.. и Она...

Мать Софья Семеновна Лежон: Да. Я понимаю.

Отец Николай Иванович Лежон: Нет. Возмутительно. Я! И Она... Как смеет, вообще! Как она смеет. Ты понимаешь. На «ты», фривольно, через губу. Так, будто я семечками торгую на парапете.

Мать Софья Семеновна Лежон: На паперти.

Отец Николай Иванович Лежон: Да, или на паперти стою. Как с другом. Нет, как с ровней! Да кто она вообще...

Мать Софья Семеновна Лежон: Мать, видимо. Тоже мать...

Отец Николай Иванович Лежон: Мать? Мать маленького уродца! Вошь. Вша! Большая вша. Как там у Горького? Не помнишь? Мать. Рождение Человека. Рожала на меже, корова!

Мать Софья Семеновна Лежон: Ну-ну. Не нам судить...

Отец Николай Иванович Лежон: А кому судить? Ей судить? Она, несчастная? В убогости, в тупости...

Мать Софья Семеновна Лежон: Родной.

Отец Николай Иванович Лежон: Да. Я понимаю. Время сейчас такое. Время тех, у кого кадык мощнее. Обман, ложь, нахрап. Вот, было! Не современно. Я – Николай Лежон – ретро. Утиль. Старый шкафчик-с. Патефончик-с. Вообще... Хрустальный рукомоиничек-с... Теряюсь! Пойми. Быть интеллигентным – старомодно. Даже опасно. Затопчут. Те, в галошах. Жлобы, или как их? Все они – жлобы...

Мать Софья Семеновна Лежон: Не обобщай.

Отец Николай Иванович Лежон: Я не обобщаю. Нет у меня инструмента справиться с этой бабой. Для меня то, что дозволено – меньше, чем у нее. Для меня – Стыдно – категория. Для меня – Совесть – не пустой звук. А ей – можно все. Какая Совесть, Стыд? Пошло! Ерунда! Я бессилен. Пойми. Языка она не понимает. Ну не по голове же ей давать. А?

Мать Софья Семеновна Лежон: Только и осталось – руки распускать. Что за мысли, Николая?

Отец Николай Иванович Лежон: А как? Она так и будет поджидать меня у двери? Стоять сутками, бросать в спину проклятья? Господи, мерзость-то какая. Эти рюшечки-завитушечки. Бородавочка! Прыщик с ручками. Волдыречек...

Мать Софья Семеновна Лежон: Все обойдется.

Отец Николай Иванович Лежон: Ни-че-го не обойдется. У нее цель появилась. Знаешь, впервые в жизни – появилась цель. Сгноить меня. Вот так. Получается. А Леля? Леленька теперь что? Так и будем ребенка прятать?

Мать Софья Семеновна Лежон: С Лелей все будет хорошо. Глаз заживет, будем ходить на прогулку вместе. Только бы зажил...

Отец Николай Иванович Лежон: Вместе. Во двор, в школу, в институт...

Мать Софья Семеновна Лежон: О, господи! Послушай, дорогой.

Отец Николай Иванович Лежон: Вошь! Какая пакость! Я увяз в ней, наступил в нее. Давно не было таких встрясок. Нет. Ну всегда можно решить проблему. В диалоге. Поговорить. Найти компромиссы.

Мать Софья Семеновна Лежон: Найдем компромиссы, дорогой. Обязательно найдем. Другого не дано. Ей самой быстро надоест. Обязательно надоест.

Отец Николай Иванович Лежон: Ха. Ей надоест. Кто она?.. Человечишко? Человечишко – звучит горденько?

Мать Софья Семеновна Лежон: Да. Я все понимаю. Твое самолюбие задето.

Отец Николай Иванович Лежон: Нет у меня самолюбия. Знаешь, я все время вспоминаю свое детство. У нас во дворе было много детей. Нормальных мальчишек, девчонок. И была одна единственная скамейка под каштаном. Один-единственный аттракцион – простая облезлая скамейка. Мы любили сиживать на ней. Я ее перед глазами до сих пор вижу. Знаешь, такое место первых влюбленностей. Не знаю, стоит ли тебе рассказать. Такой конфуз, знаешь ли... Расскажу. Бог с ним. Однажды, на этой скамейке, остались мы одни с девочкой, которой я был тогда очарован. По-детски, так, грезил. И тут – подарок. Вокруг никого. Только она, сидит, смотрит на меня...

Мать Софья Семеновна Лежон: Голубыми глазами?

Отец Николай Иванович Лежон: Почему голубыми? Ах, осел я! К чему все эти воспоминанья?

Мать Софья Семеновна Лежон: Прости. Продолжай. Очень увлекательно, знаешь ли. Даже интригующе.

Отец Николай Иванович Лежон: Сидим на скамейке, беседуем. А тут к нам мальчишка подходит – чужой – из соседнего двора. Вечно грязный такой, хулиганистый. Типа этого Славки с рогаткой. Такой же, практически. И, откровенно говоря, я как только его увидел, сразу напрягся весь внутри. «Ну, – думаю, – принесли его черти». А он между нами садится и к этой девочке с какой-то глупостью пристаёт.

Мать Софья Семеновна Лежон: Ну, ты его прогнал, конечно же.

Отец Николай Иванович Лежон: Да, дорогая. Я наклонился к его уху и тихо попросил поискать у меня в голове вшей.

Мать Софья Семеновна Лежон: Вшей?

Отец Николай Иванович Лежон: Да. Вшей.

Мать Софья Семеновна Лежон: Какой ужас. Лежон – и вши.

Отец Николай Иванович Лежон: Да нет. Не юродствуй, дослушай. Конечно же вшей у меня нет и не было никогда. Но хулигана я победил словом. Хитростью. Его со скамейки просто сдуло. Понимаешь? Он перепугался так, что ты не представляешь.

Мать Софья Семеновна Лежон: Умно. Тем более для ребенка. Очень умно.

Отец Николай Иванович Лежон: Да. Но мой отец, когда услышал эту историю, сказал: «Лежон, у тебя совсем нет самолюбия». Вот, к чему я все это вспомнил...

Мать Софья Семеновна Лежон: Надо будет обязательно Леленьке рассказать. Очень полезная мораль в этой истории.

Отец Николай Иванович Лежон: Ну-ну. Еще дочери позволим хихикать над отцом. Не вздумай. И не попрекай меня каким-то самолюбием. Нет этого качества у меня. Я просто не могу положить конец безобразию с соседкой. Чушь какая-то...

Мать Софья Семеновна Лежон: Согласна, чушь! Ты долго собираешься митинговать? Может уже прекратим все это, Николя? Толку от этих размышлений нет. Родной, давай я о тебе позабочусь.

Отец Николай Иванович Лежон: Ах, Сонечка! Хорошо, что у меня есть ты. Знаешь. Я столько сил потратил, чтобы создать все это (*обводит интерьер жестом*). Но все это пепел. Все это – без души. А душа – это ты. Я все-таки счастливый человек!

Мать Софья Семеновна Лежон: Да.

Отец Николай Иванович Лежон: А помнишь, как мы с тобой...

Без паузы сцена 3

Авансцена

Из-за правой кулисы появляется Соседка Клавдия Морсо и автор пьесы. Они двигаются к левой кулисе по авансцене. Лежоны стоят за заднем плане молча, не двигаясь.

Соседка Клавдия Морсо: Надутый индюк! Ребенок без отца. Мальчик мой. Я ж с последних сил. Мой мальчик.

Автор пьесы: Безобразие. Да, как я понимаю вас.

Соседка Клавдия Морсо: Везде они. Прыщи эти в костюмчиках! Тю-тю-тю. Начальничек. Все рулит, прохиндей. На нашей шее. Ишь, ты. Хочу – то, хочу – это. А я ж ночами, да по сменам. Без отца. Одна. Все одна.

Автор пьесы: Безобразие! Сколько сил. Сколько нужно сил. Да, одна, совсем одна.

Соседка Клавдия Морсо: Славочка! Он ведь добрый мальчик. Я знаю. Вот я со смены прихожу, а он смотрит на меня вот так. Добрый мальчонка, очень отзывчивый. У него ведь отчим был – колотил мальчонку. Я не знала. Напьется, и колотит. А я на смене. Не вижу. А он колотит. Я как узнала – выгнала, тут шум стоял. Чемодан, портки туда дырявые и вон – пинка под зад.

Соседка Клавдия Морсо и автор пьесы скрываются за левой кулисой. Громкая музыка. На сцену выбегают демоны сна в красных свободных накидках, у одного из них в руках красная сбруя. Они хватают Николая Ивановича за руки, тот сопротивляется, но вырваться не может. Другие демоны уводят за кулисы Софью Семеновну, которая покорно двигается, будто сомнамбула. Пятый демон надевает сбрую на Николая Ивановича. Из-за кулисы появляется Соседка Клавдия Морсо с плетью. Она пластично, легко добирается до центра сцены и сбрасывает халат, обнажая кожаное нижнее белье. Хватает в одну руку сбрую, другой – изображает удары по туловищу Николая Ивановича. Демоны кружат вокруг.

ЗАНАВЕС. Конец первого акта.

Акт второй

Сцена 4

Автор пьесы (появляясь небыстрой походкой – от правой кулисы – к левой, вышагивая по авансцене перед закрытым занавесом): – Я написал эту историю триста лет назад, когда как замыслил ее значительно раньше. Над миром грохотали войны, миллионы людей складывали головы за свои идеи. Удушливые газы, стрекот первых пулеметов. Грязные, окровавленные туловища, мозаика смерти. И птицы над всем этим. Гар! Гар! Ненасытные желудки с крыльями. Гар! По-над землей стоял нескончаемый стон. Стон раненных, искалеченных и сирых. Но этот стон не слышал я. Я – Жюль Огюст Рене. В моих ушах стояла и стоит другая страшная мелодика. Та, что еще чудовищней. Мелодика, рожденная в быту. Меж близкими, меж одноверцами, меж братьями, сестрами. Стон, боль тех, кто рядом. (Добирается до левой кулисы и уходит со сцены)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.